

УДК 81'37 (045)

А. Н. ЛУНДЫШЕВА

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ В СУБСТАНДАРТЕ: СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ И ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Минский государственный лингвистический университет

(Поступила в редакцию 13.06.2013)

Безграничность возможностей номинации обеспечивается вполне ограниченным набором номинативных способов. При этом семантическая деривация является одним из важнейших способов номинации в любом языке. Вышесказанное закономерно не только для литературного языка (ЛЯ), но и его социальных и территориальных подсистем: семантическая и морфологическая деривация – основные способы пополнения субстандарта [1, с. 12; 2, с. 109].

Семантическая деривация в субстандарте является хорошо изученным явлением [2; 5]. При этом исследователи сосредоточивают свое внимание на частных аспектах: закономерности метафорических сдвигов в пределах определенной части речи [13] и в рамках отдельных лексических групп [15]; особенности субстандартной метонимии и синекдохи [5]; функции жаргонной метафоры [2]; оценочный аспект субстандартной метафоры и др.

Традиционно отмечается, что одним из основных источников для образования единиц субстандарта в рамках семантической деривации (наряду с диалектными, просторечными и обценными словами, заимствованиями и сленгизмами других социальных групп) служит лексика ЛЯ [3, с. 11; 4, с. 3; 5, с. 44]. Среди вышперечисленных источников семантической деривации в субстандарте центральное место занимает ЛЯ.

Вместе с тем ряд вопросов, связанных с ЛЯ как источником семантической деривации в субстандарте, остается нерешенным: 1) слова каких тематических групп, подгрупп, каких лексических подсистем ЛЯ задействованы в процессе семантической деривации в субстандарте; 2) какова тематическая отнесенность субстандартных лексических единиц, для которых семантический способ номинации особенно важен; 3) существуют ли корреляции между источником (словом ЛЯ) и целью семантической деривации в субстандарте. За исключением нескольких работ [4; 15] вопрос об избирательности субстандарта при использовании ЛЯ как источника для семантической деривации остается открытым. Целью данного исследования является попытка ответить на эти вопросы.

Объектом исследования явились имена существительные 6 тематических групп (ТГ) – «Лица», «Одежда», «Продукты питания», «Наркотики», «Части тела», «Деньги», отобранные путем сплошной выборки из субстандартных словарей русского языка [7–10]. Выбор имен существительных обусловлен когнитивными особенностями языка, ставящего в центр номинативной системы предметную лексику. Кроме того, согласно исследованиям, на долю существительных приходится большая часть объема субстандартного словаря (примерно 60%) [5, с. 148]. Общий объем проанализированных единиц составил 12816 ЛСВ.

Из общего числа ЛСВ были отобраны те, которые являются семантическими дериватами, т. е. мотивированы единицами ЛЯ – 3862 (30%): *болт* ‘студент механико-математического факультета’, *болячка* ‘студент медицинского института’, *арбуз* ‘голова’, *бубен* ‘лицо’, *бункер* ‘живот’, *блин* ‘берет’, *корабли* ‘ботинки’, *галстук* ‘селедка’, *грязь* ‘икра осетровых рыб’, *пробирка* ‘учительница химии’.

На первом этапе исследования был проведен семасиологический анализ, в рамках которого отправной единицей является слово [6, с. 5]. Отобранные ЛСВ были распределены по ТГ¹ в зависимости от того общелитературного слова, которое послужило наименованием для сленгового значения (таблица).

ТГ ЛЯ, участвующие в процессе семантической деривации в субстандарте русского языка

Название ТГ	Кол-во ЛСВ	%
Реальные лица, люди	871	22,6
Названия животных	625	16,2
Имена собственные	345	9
Машины. Станки. Механизмы. Приборы. Инструменты. Приспособления	256	6,6
Продукты питания и внутреннего потребления	248	6,4
Названия тела, организма, их частей, продуктов жизнедеятельности	188	4,8
Предметы обихода, домашнего хозяйства, повседневной жизни	170	4,4
Названия растений и других растительных организмов	125	3,2
Транспорт	120	3,1
Продукты выделки и обработки	110	2,8
Одежда и сопутствующие ей предметы. Украшения	105	2,7
Космос, земля, природные образования	102	2,6
Названия предметов по форме, состоянию, составу, местонахождению, употреблению	92	2,3
Предметы, относящиеся к спорту, зрелищам, играм. Музыкальные инструменты	75	1,9
Знаки. Эмблемы. Деньги. Документы	71	1,8
Сооружения, постройки	65	1,7
Бытие, материя, пространство, время	58	1,5
Оружие и сопутствующие ему предметы. Средства защиты и нападения. Орудия удара, наказания	47	1,2
Религиозные, мифологические, сказочные, фантастические человекоподобные существа	42	1
Страны. Государства. Населённые пункты. Административно-территориальные единицы. Обрабатываемые и используемые места. Пути, дороги. Относящиеся к дорогам постройки, сооружения	30	0,7
Вера. Религия. Произведения творческой мысли: науки, учения. Искусства	29	0,7
Духовный мир: Сознание. Мораль. Чувства	14	0,3
Названия, общие для всех живых организмов или для нескольких их классов	12	0,3
Материальные (предметные, вещественные) продукты труда (общие обозначения)	11	0,3
Предметы для письма, рисования, живописи, черчения, для канцелярского труда	10	0,2
Общество, его жизнь, устои; социальное устройство; социальные состояния, отношения	10	0,2
Слова с оценочным и оценочно-характеризующим значением	9	0,2
Именования. Информация. Речь.	6	0,1
Предметы культа	5	0,1
Организации, учреждения, предприятия, партии, общества, армия	5	0,1
Печатные издания. Рукописи. Полиграфия	3	0,07
Связи, отношения. Содержание и форма. Структура. Метод	3	0,07
Итого	3862	100

Как показывают результаты исследования, в субстандартной семантической деривации участвуют лексические единицы 32 ТГ ЛЯ, имеющие разный удельный вес. Для дальнейшего анализа они были разделены по степени продуктивности на подгруппы: высоко- (от 22,6 до 6%), средне- (от 5 до 1%) и малопродуктивные (менее 1%). Это деление достаточно условно, но отражает объективную картину продуктивности лексических единиц ЛЯ в процессах субстандарт-

¹ При распределении отобранных лексических единиц на ТГ (кроме ТГ «Имена собственные») использовался «Русский семантический словарь» под общ. ред. Н. Ю. Шведовой [11].

ной семантической деривации. В дальнейшем внимание было сосредоточено на крайних случаях проявления избирательности субстандарта: высоко- и малопродуктивных ТГ ЛЯ, задействованных в процессах субстандартной семантической деривации.

К высокопродуктивным ТГ ЛЯ относятся следующие: 1) «Реальные лица» (871; 22,6%): *лодырь* ‘трехрублевая купюра’, *богатырь* ‘полностью начиненная наркотиком сигарета’, *предки* ‘носки’, *блондинка* ‘водка’, *няня* ‘кулак’; 2) «Животные» (625; 16,2%): *попугай* ‘доллар США’, *селедка* ‘узкий мужской галстук’, *воробы* ‘кусочки мяса в тюремной похлебке’, *цапля* ‘рука’; 3) «Имена собственные» (345; 9%): *вашигтон* ‘тысяча долларов США’, *сорбонна* ‘ меховая шапка’, *байкал* ‘слабо заваренный чай’; 4) «Инструменты. Приспособления» (256; 6,6%): *гвозди* ‘деньги’, *веревка* ‘наркотики’, *капот* ‘верхняя одежда’, *антенна* ‘ухо’, *кнопка* ‘низкорослая девушка’; 5) «Продукты питания» (248; 6,4%): *баклажан* ‘фунт стерлингов’, *перец* ‘героин’, *бананы* ‘вид брюк’, *ряженка* ‘водка’, *арбуз* ‘голова’, *овощ* ‘любой человек’.

Высокая продуктивность единиц данных ТГ в рамках семантической деривации является следствием важности соответствующих денотативных областей в жизни человека, что свидетельствует об антропоцентризме процессов номинации и актуализации личностного начала: человек стремится все новое соизмерять «по своему образу и подобию» [12, с. 136].

В целом, продуктивность ТГ ЛЯ в субстандарте согласуется с общеязыковой тенденцией в номинативных процессах: чем больше человеку приходится сталкиваться с определенным участком или областью действительности, тем интенсивнее членится она в языке. Кроме того, переосмысление новых реалий через известные (человек и созданные им предметы) облегчает процесс понимания, запоминания. Так, предпочтение отдается номинациям простых, бытовых артефактов, а не сложных механизмов, приборов, применяемых в современном производстве (ср.: *гвозди, кол, колесо, топор, антенна, отвертка, шнурок, винтик, брусок*).

О «городском» составе носителей русского субстандарта свидетельствует тот факт, что названий сельскохозяйственных орудий почти не встречается (всего 6 наименований – *коса, грабли, плуг, тляка, топор, мотыга*).

В выборе конкретных источников семантической деривации в русском субстандарте есть определенная специфика, связанная с традиционной русской картиной мира. Это проявляется в переосмыслении в рамках субстандарта лексических единиц ЛЯ, обозначающих устаревающие артефакты, многие из которых типичны для традиционного хозяйства (ср.: *колчан, сабля, кнут, салазки, лапти, валенки, лоханка, ухваты, фитиль, свеча, самовар, кочерга* и др.)². По-видимому, их использование объясняется тем, что они относятся к культурно значимым (например, отражены в литературе и искусстве). Переосмысленных лексических единиц ЛЯ, связанных с историей других стран, в русском субстандарте нами не обнаружено.

Как и в языке в целом, востребованными в субстандарте в качестве источника номинации оказываются наименования физической немощи и болезни, психических отклонений, лиц по отрицательным характеристикам и др. (ср. *чума, зараза, гастрит, выкидыши, желтуха, чахотка, холера, утопленник, алкоголик, недоносок, псих, рахитик* и др.).

Большое внимание носители субстандарта уделяют «телесному низу» – гениталиям, сексу, испражнению, асоциальному поведению, снижая, таким образом, статус «того, о чем идет речь» [13, с. 29] (ср.: *моча, матка, соски, ягодица, задница, альфонс, блудница, проститутка* и др.).

ТГ ЛЯ, связанные с миром живой и неживой природы (Названия растений; Космос; Названия, общие для всех живых организмов), редко используются при формировании переносов в субстандарте (6,1% в совокупности). Это тем более показательно, что в ЛЯ данные группы лексики стабильно формируют переносы [14, с. 118]. По-видимому, для носителей субстандарта – преимущественно молодых горожан – в целом мир природы вне цивилизации не представляет особой ценности, поскольку не оказывает существенного влияния на их обыденную жизнь.

Избирательность субстандарта достаточно четко проявляется в высокопродуктивной ТГ ЛЯ «Животные». Зоонимы активно используются в процессе семантической деривации, но это касается только наименований домашних и промысловых животных (ср.: *кошка, баран, конь, лошадь, петух, лайка, гусь, поросенок, хомяк, цыпленок* и др.) или культурно опосредованных наименова-

² Данные субстандартные единицы были образованы, согласно данным словаря [7], в 1990–2002 гг.

ний (персонажи в сказках, баснях, популярных детских книгах и фильмах) (*лебедь, чижик, попугай, обезьяна, муха, соловей, бегемот, ворона, журавль, заяц, таракан, щука* и др.). Характерно то, что зафиксированные в словарях субстандартной лексики наименования животных составляют вторую в количественном отношении ТГ ЛЯ, задействованную в семантической деривации (16,2%). Кроме того, данные лексические единицы участвуют в номинации абсолютно всех анализируемых ТГ субстандarta: «Деньги»: *лебедь* ‘25-рублевая купюра’; «Наркотики»: *обезьяна* ‘наркотик’; «Одежда»: *баран* ‘дубленка’; «Продукты питания»: *лягушка* ‘молоко, сметана в мягкой полиэтиленовой упаковке’; «Части тела»: *цапля* ‘рука’; «Лица»: *бегемот* ‘бесцеремонный, наглый, дерзкий человек’ др. Данные факты подтверждают мнение о том, что тенденция к зооморфизации пронизывает всю субстандартную систему языка [15].

ТГ ЛЯ, содержащие менее 1% лексических единиц, были отнесены к малопродуктивным (‘Религиозные, мифологические, сказочные, фантастические, человекоподобные существа’; ‘Административно-территориальные единицы’; ‘Произведения творческой мысли’; ‘Духовный мир’; ‘Материальные продукты труда’ и др.). Небольшая деривационная активность зафиксированных в словарях субстандarta лексических единиц, входящих в данные ТГ, может быть объяснена характером их лексического значения. Так, большинство из них обозначают абстрактные понятия, которые и в рамках ЛЯ мало задействованы в процессе семантической деривации [14, с. 137] (ср. *аргумент, душа, консенсус, горе, флирт, беспредел, забава*).

Некоторые из малопродуктивных ТГ содержат общие обозначения, относящиеся к суперординантному уровню категоризации (терминология Э. Рош) (*товар, материал, сырье, принадлежность* и др.), и в силу этого, как и в ЛЯ в целом, практически не задействованы в процессах субстандартной семантической деривации. В то же время конкретные обозначения коррелирующих ТГ, относящиеся к базовому уровню категоризации, достаточно продуктивны: «Реальные лица» (22,6%), «Животные» (16,2%). Полученные результаты согласуются с общеязыковой тенденцией: «...given a particular referent, the most likely name for that referent from among the alternatives provided by the taxonomy will be the name situated at the basic level» (наиболее вероятное наименование для некоторого объекта среди ряда альтернатив, предоставленных таксономией, будет наименование базового уровня) [6, с. 10].

Избирательность субстандarta проявляется, однако, не только в выборе определенных групп лексики ЛЯ как источника семантической деривации, но и в направленности процессов семантической деривации. Поэтому следующим этапом исследования стал ономаσιологический анализ, при котором отправной точкой анализа является номинируемая сущность, которая может быть выражена с помощью лексических единиц [6, с. 5]. Этот анализ показывает, что целью номинации в субстандarte в рамках семантической деривации на базе ЛЯ является, в первую очередь, человек и части его тела, что еще раз подчеркивает антропоцентризм направлений процессов семантической деривации. Ср.: *няня* ‘хозяйка притона, квартиры, сдаваемой внаем блатным’, *очкарик* ‘интеллигент’, *дракон* ‘инспектор уголовного розыска’, *снегурка* ‘некрасивая, непривлекательная девушка’, *андромеда* ‘бесплодная или нерожавшая женщина’, *зимагор* ‘бродяга’, *шалаш* ‘голова’, *форточка* ‘рот’; *тики* ‘ноги’, *колчан* ‘голова’, *антенна* ‘ухо’, *грабли* ‘руки’.

Данные, полученные в результате семасиологического и ономаσιологического видов анализов, являются взаимодополняющими, что не раз подчеркивалось в лингвистической литературе [6, с. 6]. Поэтому анализ процесса субстандартной семантической деривации на базе ЛЯ будет неполным без учета корреляций, существующих между источником обозначения (ЛЯ) и целью (выделенные ТГ субстандarta).

Анализ вышеуказанных корреляций позволяет наметить несколько тенденций в процессе семантической деривации в субстандarte.

Во-первых, некоторые из рассмотренных ТГ ЛЯ не проявляют деривационной активности в рамках определенных ТГ субстандarta. Так, группа ЛЯ «Сооружения» неактивна в четырех из шести анализируемых ТГ субстандarta («Деньги», «Наркотики», «Одежда», «Продукты питания»), ТГ ЛЯ «Одежда» – в ТГ «Деньги» и «Наркотики», ТГ ЛЯ «Оружие» – в ТГ «Деньги» и «Продукты питания». Лексические единицы указанных ТГ ЛЯ не проявляют высокой продуктивности и в самом ЛЯ, что, по-видимому, связано со спецификой их лексического значения – бедно-

стью компонентного состава. Кроме того, данные ТГ ЛЯ и анализируемые группы субстандарта относятся к качественно различным денотативным областям, что исключает наличие общих или схожих компонентов лексического значения, на базе которых могли бы образоваться семантические дериваты (ср. ТГ ЛЯ «Сооружения» и ТГ субстандарта «Наркотики», ТГ ЛЯ «Оружие» и ТГ субстандарта «Продукты питания» и др.).

Во-вторых, в некоторых анализируемых ТГ субстандарта («Деньги», «Одежда» и «Продукты питания») номинация осуществляется в основном в границах соответствующих групп ЛЯ. Иными словами, процессы номинации в указанных ТГ субстандарта происходят за счет ресурсов той же денотативной области – лексические единицы ЛЯ при использовании в субстандарте расширяют свое значение, не выходя за пределы своего первоначального класса. На наш взгляд, данная закономерность представляется вполне естественной, т.к. при выборе имени для нового объекта человек в первую очередь обращается к той же или близкой денотативной области³.

Так, в рамках субстандартной ТГ «Деньги» номинация происходит с помощью тематической группы ЛЯ «Деньги» (21,2%): *копейка* ‘десятирублевая купюра’, *рубль* ‘сто рублей’, *червонец* ‘десять рублей’, *полтинник* ‘пятьдесят рублей’, *драхмы* ‘деньги’ и др. В рамках субстандартной ТГ «Одежда» наибольшую активность проявили единицы соответствующей тематической группы ЛЯ «Одежда» (19%): *юбка* ‘брюки’, *халат* ‘пальто’, *тапочки* ‘кирзовые сапоги’, *перчатка* ‘носок’, *ряса* ‘любая длинная одежда’. При номинации субстандартной ТГ «Продукты питания» была в основном использована тематическая группа ЛЯ «Продукты питания» (23,1%): *булка* ‘спиртное, выпивка’, *груши* ‘продукты питания’, *каша* ‘чай’, *пирожок* ‘пайка хлеба’, *пшено* ‘икра осетровых рыб’ и др.⁴

Таким образом, в указанных ТГ субстандарта («Деньги», «Одежда», «Продукты питания») наблюдаются процессы «внутренней номинации» – слово ЛЯ используется в субстандарте для номинации понятий той же денотативной области.

Однако не для всех анализируемых ТГ субстандарта это так. Например, в ТГ «Наркотики», «Части тела» и «Лица» номинация осуществляется за счет ресурсов той же денотативной области ЛЯ, но данный процесс носит несколько иной характер.

Как известно, в русском семантическом словаре [11] ТГ «Продукты питания и внутреннего потребления» имеет 2 основные подгруппы: «Продукты питания, корм» и «Продукты для внутреннего потребления, не для питания». ТГ субстандарта «Наркотики» входит в подгруппу «Продукты для внутреннего потребления, не для питания». В данной субстандартной ТГ номинация осуществляется в основном за счет ТГ ЛЯ «Продукты питания и внутреннего потребления» (18,8%), но при помощи лексических единиц, обозначающих не соответствующую область – наркотики, а продукты питания: *рафинад* ‘кокаин’, *морковка* ‘анаша’, *капуста* ‘мелко нарубленные незрелые головки мака’, *масло* ‘настой опия’, *мука* ‘кокаин’ и др. Поэтому для данной ТГ можно говорить о субкатегориальном сдвиге, т. к. наименования продуктов питания ЛЯ используются в субстандарте для номинации наркотиков. Вероятно, наблюдаемый субкатегориальный сдвиг обусловлен особенностями восприятия данной денотативной области носителями субстандарта – для наркоманов наркотики становятся жизненно необходимым условием существования и приравниваются к продуктам питания.

Похожая ситуация наблюдается и в рамках субстандартной ТГ «Части тела», в которой вторую по численности ТГ ЛЯ составляет ТГ «Названия тела» (10%). При этом при номинации частей тела человека используются наименования частей тела животных: *бивень* ‘зуб’, *грива* ‘шея’, *жабры* ‘горло’, *клевня* ‘рука’ и др. Однако гораздо больше при наименовании частей тела человека используется ТГ ЛЯ «Инструменты. Приспособления» (16,9%): *вентиль* ‘рот’, *градусник* ‘лопатка человека’, *калькулятор* ‘голова, мозг’. Примечательно, но и в ЛЯ в рамках данной ТГ номинация частей тела практически не осуществляется за счет ресурсов той же денотативной области [14, с. 120]. По-видимому, данный факт свидетельствует о существовании в системе языка тщательного выбора номинативных приемов, помогающих избежать неоднозначности в этой наиболее важной области в жизнедеятельности человека.

³ То же самое отмечает для английского ЛЯ Л. М. Лещева [14, с. 119].

⁴ По-видимому, причина вышеуказанных процессов может быть раскрыта после описания оснований метафорических переносов, что является перспективой данного исследования.

На наш взгляд, наиболее отчетливо субкатегориальные сдвиги наблюдаются в субстандартной ТГ «Лица». Дело в том, что номинация лиц в субстандарте осуществляется в основном за счет ресурсов соответствующей денотативной области ЛЯ – «Реальные лица» (32%). Однако данная ТГ в ЛЯ включает в себя многочисленные подклассы, и при использовании субстандартом слов данной денотативной области наблюдаются значительные расхождения в источнике и цели номинации.

Единственная подгруппа, являющаяся исключением, – литературные наименования лиц по национальности, которые в большинстве случаев и в субстандарте используются для номинации национальностей: ср.: *бедуин* ‘азиат или кавказец’, *иерусалимец* ‘еврей’, *китаец* ‘представитель негроидной расы’, *негр* ‘украинец’, *тунгус* ‘лицо любой национальности, кроме русского’, *турок* ‘азиат, кавказец’, *француз* ‘еврей’, *эскимос* ‘азиат’ и др. Однако даже здесь чаще встречаются переносы другого типа, в рамках которых актуализируются не национальные или территориальные характеристики лиц, а типичные с точки зрения носителей субстандарта признаки, приписываемые национальности в целом. Так, вышеуказанные единицы ЛЯ используются в субстандарте для обозначения лиц в следующих сферах: 1) по отношению к противозаконному действию: *албанец* ‘хулиган’, *афганец* ‘убийца’; 2) по интеллектуально-эмоционально-физическому свойству: *албанец* ‘глупый’, *турок* ‘глупый, недалекий человек’; 3) бесправие: *негр* ‘бесправный человек’, *негр* ‘человек, выполняющий чужую работу’; 4) в военизированной сфере деятельности: *индеец* ‘солдат до принятия присяги’, *казак* ‘конный милиционер’; 5) совокупности лиц: *калмыки* ‘футбольная команда Урала’, *итальянцы* ‘члены молодежной группировки (1980-е гг.), любители итальянской эстрады, итальянского образа жизни’; 6) служащие разных учреждений: *казак* ‘охранник в ИТУ’, *казак* ‘контролер’; 7) по социально-экономическому положению: *иерусалимец* ‘нищий, выдающий себя за странника’.

Таким образом, лексико-семантические свойства слова ЛЯ – принадлежность к определенной ТГ и базовому уровню категоризации – во многом определяют использование этих лексических единиц в субстандарте. Как и в ЛЯ, наибольшей активностью обладают слова, обозначающие близкие человеку сущности: людей, животных, предметы ближайшего окружения, орудия труда, продукты питания и др.

Вместе с тем выбор слов ЛЯ как источника для процесса семантической деривации в субстандарте зависит не только от области-источника, но и от области-цели, которая также накладывает дополнительные ограничения на номинативные процессы в субстандарте. Так, одни группы субстандартной лексики в рамках семантической деривации привлекают единицы той же денотативной области ЛЯ («Одежда», «Деньги», «Продукты питания»). Другие области субстандарта («Части тела», «Лица», «Наркотики») в рамках аналогичного процесса демонстрируют субкатегориальный сдвиг: части тела животного → части тела человека; продукты питания → наркотики; наименования лиц по национальности → наименования лиц по отношению к противозаконному действию, по интеллектуально-эмоционально-физическому свойству, в военизированной сфере деятельности и др. Наконец, в некоторых случаях фиксируется корреляция между ТГ разных типов: инструменты, приспособления → части тела человека.

Литература

1. Бондалетов, В. Д. Социальные диалекты и общелингвистическая теория / В. Д. Бондалетов // Сб. науч. тр.: Ин-т языкознания; Орловский гос. техн. ун-т. – М., 2003. – Вып. 14: Лексика и лексикография. – С. 10–18.
2. Гойдова, С. Молодежный жаргон в системе современного русского национального (общенародного) языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С. Гойдова. – М., 2004. – 421 с.
3. Вахитов, С. В. Лекции о русском сленге / С. В. Вахитов. – Уфа: БГПУ, 2001. – 47 с.
4. Сосновская, А. А. Метафоризация в сфере «Новейшие техногенно опосредованные информационные и коммуникативные процессы» (на материале русского и английского сленга): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А. А. Сосновская; Саратов. гос. ун-т. – Саратов, 2011. – 23 с.
5. Шмачков, С. А. Современный студенческий жаргон: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С. А. Шмачков. – Пенза, 2005. – 168 с.
6. Geeraerts, D. The structure of lexical variation: meaning, naming and context / D. Geeraerts, S. Grondelaers, P. Bakema. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1994. – 207 p.
7. Никитина, Т. Г. Молодежный сленг: толковый словарь: более 12000 слов, свыше 3000 фразеологизмов / Т. Г. Никитина. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 912 с.

8. Балдаев, Д. С. Словарь блатного воровского жаргона: в 2 т. / Д. С. Балдаев. – М.: Кампана, 1997.
9. Дубягина, О. П. Современный русский жаргон уголовного мира: словарь-справочник / О. П. Дубягина, Г. Ф. Смирнов. – М.: Юриспруденция, 2001. – 352 с.
10. Мокиенко, В. М. Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб.: Норинт, 2000. – 720 с.
11. Русский семантический словарь: толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 2 т. / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой; Ин-т рус. яз., РАН. – М.: Азбуковник, 1998. – Т. 1: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Все живое. Земля. Космос). – 807 с.
12. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
13. Розина, Р. И. Семантические процессы при образовании жаргона / Р. И. Розина // Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. – М., 1999. – 320 с.
14. Лещева, Л. М. Лексическая полисемия в когнитивном аспекте / Л. М. Лещева. – Минск: МГЛУ, 1996. – 247 с.
15. Рубанова, Е. В. Метафора в социальных подсистемах английского и русского языков: дис. ...канд. филол. наук / Е. В. Рубанова. – Минск, 2006. – 114 с.

A. N. LUNDYSHYOVA

**SEMANTIC DERIVATIONS IN THE SUB-STANDARD:
SEMASIOLOGICAL AND ONOMASIOLOGICAL ASPECTS**

Summary

This article has been written in aims to reveal the role of literary language in the Russian sub-standard system replenishment. It has been found that some lexical and semantic properties of literary language highly determine the usage of these units in Russian sub-standard systems. They are for example such properties as membership of definite thematic groups and basic level of categorization. Analysis of correlations between the source of semantic derivation (literary language) and the target (sub-standard systems) shows that some sub-standard thematic groups («Clothes», «Money», «Food») use lexical units from the same literary thematic group. Other ones («Parts of body», «People», «Drugs») reveal sub-categorical shift. In some cases the correlation has been revealed between different thematic groups.